

Игнатий Потапенко

Во тьме времен

Игнатий Потапенко

Во тьме времен

«Public Domain»

1912

Потапенко И. Н.

Во тьме времен / И. Н. Потапенко — «Public Domain», 1912

«Стояла дивная зимняя петербургская ночь. С пятисотсаженной высоты башни ярко светило городское электрическое солнце, по обилию световых лучей нисколько не уступавшее тому светилу, которое каждое утро на смену ему всходило на востоке и плыло по небу, по направлению к западу. Еще выше саженей на триста, от той же башни на тонком стальном шесте подымался колоссальный термометр, который показывал 20 градусов холода.».

Содержание

Завязка	5
Сердце Чернчайля	7
Сердце министра	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Игнатий Потапенко

Во тьме времен

История, случившаяся в 2912 году

Завязка

Стояла дивная зимняя петербургская ночь. С пятисотсаженной высоты башни ярко светило городское электрическое солнце, по обилию световых лучей нисколько не уступавшее тому светилу, которое каждое утро на смену ему всходило на востоке и плыло по небу, по направлению к западу. Еще выше саженей на триста, от той же башни на тонком стальном шесте подымался колоссальный термометр, который показывал 20 градусов холода.

Но здесь внизу, над городом и на его улицах, благодаря грандиозным общественным печам, которые согревали разом не только внутренность домов, но и воздух на несколько десятков верст в окружности, было тепло, как в июле, и жители города, поспав не более получаса, – так как они, занятые делами, не имели возможности тратить ежедневно на такое непроизводительное занятие, как сон, больше этого времени, – усиленно занимались каждый своей работой. К утру, то есть к тому моменту, когда взойдет небесное солнце, а городское будет погашено, все работы должны быть кончены, так как наступит ежемесячный праздник.

В прежние времена, как свидетельствует история, люди устраивали себе праздники каждую неделю и, кроме того, у них были еще и другие дни, когда они ничего не делали. Но с течением веков неимоверно усилившаяся борьба за существование заставила их отказаться от этой роскоши и теперь они праздновали лишь один раз в месяц. Но зато в этот день какая бы то ни была работа считалась национальным преступлением. Все должны отдыхать и радоваться – лежать или танцевать, петь, играть во всевозможные игры, словом, доставлять себе только удовольствие, которое в умеренной дозе является лучшим отдыхом для утомленного организма.

В такую ночь к воздушному подъезду одной из самых фешенебельных гостиниц приближался известный всему миру американский миллиардер Чернчайль. Накануне, пообедав со своими друзьями и ввиду довольно продолжительного путешествия вздремнув в кресле, он вылетел из Нью-Йорка, и так как теперь было несколько более двух часов ночи, то он в пути находился всего около четырех часов. Без сомнения, при желании, он мог бы пролететь это пространство вдвое скорее, так как висевшая на золотой цепи его часов в виде брелока машина, величиной с наперсток, была одна из самых совершенных. Но по дороге через Атлантический океан, где он был около полуночи, он встретил целое общество американских друзей, летевших из Европы в Америку. Это были просто веселые люди, которые слетали в знаменитую старинную столицу, всегда отличавшуюся веселыми нравами, пообедать в обществе красивых женщин, и теперь возвращались на ночлег в Нью-Йорк.

Узнав в нем знаменитого соотечественника, они сделали ему овацию, и он должен был провести с ними в воздухе довольно значительное время.

Просторный, роскошно отделанный подъезд гостиницы, расположенный на самом верху ее, над 172 этажом, был самым оживленным местом столицы.

Сюда слетались иностранцы со всех концов мира, встречая здесь все приспособления удобства, какие только мог изобрести человеческий ум.

В огромном доме гостиницы было сосредоточено все, как для деловых надобностей, так и для развлечения. Не было нужды за покупками обращаться в магазины и на рынки, точно также не приходилось рыскать по конторам и банкам, – здесь были всевозможные магазины, а

все конторы и банки имели тут свои отделения. Театры самых причудливых жанров, выставки, спортивные залы, все это было во всякое время к услугам гостей, занимая большую часть дома.

Едва успев занять номер, состоявший из множества комфортабельных комнат, где были предусмотрены все малейшие потребности самого изысканного вкуса, Чернчайль, прежде всего, осведомился:

– Далеко ли отсюда помещается всемирно известный «Органо-ремонториум»?

– Если речь идет о незначительных органах, как, например, пальцы, или даже кисти рук и ног, то с этим может отлично справиться отделение «Всеобщего органо-ремонториума», находящееся при нашей гостинице.

– Ах, нет, – возразил Чернчайль, – это гораздо серьезнее. Я хочу отремонтировать мое сердце.

– О, так это, действительно, серьезно. В таком случае, вам придется самолично слетать в главную мастерскую... Там есть замечательные специалисты по сердцу. Угодно сейчас? Наш кондуктор проводит вас...

Минут через десять после разговора Чернчайль был уже в воздухе и, следуя за кондуктором, который мчался впереди, пролетел мимо ярко освещенных электрическим солнцем крыш высоких домов, дворцов, театров и церковных куполов, и спустился над зданием, над крышей которого в воздухе висели огромные огненные буквы:

ВСЕОБЩИЙ ОРГАНО-РЕМОНТОРИУМ

Еще через минуту Чернчайль был в приемной.

Сердце Чернчайля

«Всеобщий органо-ремонториум» в Петербурге славился на весь мир.

Этот город и его страна в последние два столетия, вообще, заняли первенствующее положение в деле техники человеческого организма.

Русские ученые-естествоиспытатели открыли способ разбирать организм по отдельным составным частям и вновь складывать его. Само собою понятно, что для людей, поглощенных делами и дорожащих временем, открытие это имело колоссальное значение. Нуждаясь в лечении или выпрямлении ноги, или прочистке какого-нибудь засорившегося кровеносного сосуда в ней, вы не должны тратить напрасно драгоценное время, оставаясь в больнице. Вы просто отсылаете вашу ногу в «Органо-ремонториум» и преспокойно продолжаете ваши дела, пока нога в совершенно обновленном виде не вернется к вам и не займет свое место.

Точно также вы можете поступить с вашими руками, с селезенкой, с почками, с любым из служебных органов. Если бы вы считали неудобным обходиться без них, вам стоило бы только заявить об этом в контору «Органо-ремонториума», и вам пришлют великолепно сделанный искусственный орган, который временно будет служить вам, как ваш собственный. Только мозг и сердце не выдерживали пересылки, и их умели вынимать собственноручно лишь специалисты заведения.

Чернчайлю пришлось не менее получаса ждать очереди, – целая вечность для делового человека. Впереди его, у двери приемного кабинета, стояла длинная вереница приехавших со всех концов мира клиентов, среди которых были люди всевозможных цветов и оттенков, явившиеся из Азии, Африки, Австралии, Америки, Южного полярного материка...

Пользуясь этим временем, мы можем поближе познакомиться с Чернчайлем. Это был человек колоссального роста: ему не хватало только одного вершка до полутора аршин*, чтобы считаться великаном.

Его огромная голова была совершенно лишена волос, что служило несомненным признаком высшей утонченнейшей расы, и блестела, как хорошо отполированный шар из слоновой кости.

С лицевой стороны бросался в глаза высокий, выпуклый лоб, под которым, как бы прячась в его тени, острым пронизывающим блеском горели умные проницательные глаза, глубоко сидящие в орбитах. Нос был прямой, тонкий, совершенно утопавший под отвесной выпуклостью лба. Тонкие губы его небольшого рта в спокойном состоянии красивыми мелкими складками были собраны в одной небольшой точке; когда же он улыбался, они широко раздвигались и открывали два ряда чудных бледно-розовых десен, которые были совершенно свободны от грубых и бесполезных придатков, носящих древнее название «зубов» и еще уцелевших у людей низшей расы, а также у животных.

Ни один волос, ни даже пушинка не портили гладкой кожи его лица – губ, щек и миниатюрного подбородка. Как истый сын англосаксонской расы, усердно брившейся в течение многих столетий, и, наконец, своим упорством победившей упорство природы, он уже не нуждался в услугах бритвы. Эта величественная голова, составлявшая по размерам половину всего его тела, покоилась на тончайшей, но упругой, как сталь, шее, переходившей в узенькие плечи, из которых вырастали тонкие руки с длинными изящными, поразительно развитыми пальцами.

Красиво вдавленная внутрь грудь подпиралась узкой талией. Тонкие, как у птицы, ноги были плотно обтянуты черными шелковыми чулками и обуты в маленькие изящные сандалии, красиво перевязанные тончайшими ремешками. Одежда его состояла из легких, почти невесомых, но в то же время плотных тканей, обладавших свойством одинаково защищать от холода и от излишней жары. Красивыми складками она облегла его благородное тело и давала ему полную свободу движений.

Прямой, хотя и очень отдаленный веками, потомок пары сильных и здоровых людей, пришедших некогда в Америку с пустыми руками, но своей поразительной энергией и умом, разжигаемыми жаждой жизни и счастья, положивших начало богатству, которое затем, в течение бесчисленных поколений, прямые их потомки, с безумным счастьем и непоколебимо-жестоким нечеловеческим терпением, умножали, пока, наконец, не довели его до безумных размеров, – он получил в наследство от своих предшественников состояние, за которое мог бы купить Земной шар, если бы он продавался.

Но судьба избрала его для того, чтобы он совершил переворот в судьбе своего рода. Увидев себя обладателем несметных богатств, он почувствовал стыд за все предшествовавшие поколения своих предков, не сделавших ни одного доброго дела, а только накапливавших богатство, и отдал всю свою жизнь добрым делам.

Он уже не накапливал. С какой-то почти сумасшедшей жадностью он строил колоссальные дворцы для бедняков, воздвигал школы, учреждал кредитные кассы, основывал больницы и просто раздавал деньги тем, кто в них нуждался. Вся Америка была застроена созданиями его бесконечно доброго сердца.

...Когда, наконец, до него дошла очередь и он вошел в приемный кабинет, он успел сказать только одно слово:

– Сердце...

Видно, знаменитые специалисты страшно дорожили каждой секундой.

Тотчас же к нему бесшумно подкатила низенькая, необыкновенной белизны, изящная кушетка и, точно какая-то невидимая сила, осторожно, мягко подхватила его на воздух и уложила на кушетку лицом кверху. Специалист-ремонтатор приподнял его платье и быстрым и ловким движением пальцев, без помощи ножа и каких бы то ни было инструментов, раскрыл его грудь и вынул оттуда сердце, и при этом не пролил ни одной капли крови.

Он положил сердце Чернчайля в стеклянный ящик, на котором был начертан N 102489, означавший число сердец, подвергшихся уже ремонту в тот день. Такой же точно номер прикрепил к кушетке, надавил какую-то кнопку, и кушетка вместе с неподвижно лежавшим на ней Чернчайлем исчезла. В то же мгновение в кабинет уже входил следующий клиент.

Сердце министра

Главный министр государства, после целого дня непрерывных государственных дел, вернулся домой около двух часов ночи, имея в виду в тот же момент приняться за спешные, не терпевшие ни минуты промедления дела, и в эту минуту почувствовал себя нездоровым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.